

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТЫ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОПОНИМИЧЕСКОГО АТЛАСА)

Топонимия в силу присущей ей исключительной устойчивости во времени, привязке к территории, массовости способна внести свой вклад в понимание формирования этнокультурной карты территории. Важно также, что топоним рождается в рамках определенной системы, по определенным моделям, обусловленным географически и хронологически. Именно такая системность в сочетании с отмеченными выше свойствами делает топонимию надежным этноязыковым и историко-культурным источником и позволяет использовать ее для интерпретации языковой ситуации на разных хронологических срезах, истории заселения, формирования поселенческой структуры, времени переселений, этнических контактов и т. д.

Пилотный проект «Топонимический атлас Карелии» решает именно эти задачи. Атлас включает на данном этапе набор из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимов территории Карелии. Картографированию подвергнуты как структурные, так и лексико-семантические модели, заключающие в себе этноязыковую и этноисторическую информацию. Каждая карта сопровождается комментарием, в котором приводится фактический материал, т. е. список картографированных топонимов, а также предлагается анализ выявленных ареалов. Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

При определении критериев отбора моделей, перспективных для картографирования, авторы исходили из того, что не любой топоним может быть использован в целях языкового и этноисторического анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию можно извлечь и из так называемой ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу называния, выражается различны-

ми языковыми коллективами по-своему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство» (топоосновы со значением «путь, дорога, волок», «граница, край», «поселение»), а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища.

В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 г. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Поэтому карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губ., а также Кемского уезда Архангельской губ., в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих прибалтийско-финских (карельских и вепсских) и русских топонимных типов. Она выходит за обозначенные границы на запад, захватывая восточную часть территории Финляндии, чрезвычайно показательную с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепсских и более древних финно-угорских топонимных ареалов. В зону исторического вепсского расселения входила и восточная часть территории Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губ. В качестве территориальной единицы для картографирования выступает волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. К тому же в прибалтийско-финском языкознании сложилась традиция опоры на волостное членение в языковых атласах.

В корпусе источников материала главная роль отведена Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей, включающей более 100 тыс. топонимов, собранных в ходе полевых экспедиций за 35 лет (картотека хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН). Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Архангельской обл. Для выявления ареалов ряда карельских топонимных моделей привлечены материалы топонимического архива Финляндии, хранящиеся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Kotimaisten kielten

tutkimuskeskus), а также топонимической картотеки Уральского университета.

Далее на основе анализа ряда топонимных ареалов предлагается интерпретация некоторых фрагментов формирования этнической и языковой карты Карелии.

Саамы — древние жители Карелии. В топонимии Карелии сохраняются убедительные следы саамского топонимического наследия в виде остаточных разрушенных ареалов саамских топонимных моделей. Собственно, это было известно и раньше, и в этом смысле карты атласа не оказались инновационными. Однако картографирование саамских типов открыло перспективу для реконструкции саамской этноязыковой истории.

Известно, что в саамском языке существует два принципиально важных пласта лексики: финно-угорский, единый с прибалтийско-финскими языками, и субстратный⁴⁸, который в последнее время определяется многими исследователями как палеоевропейский⁴⁹. Оказалось, что ареал топооснов, восходящих к общему прибалтийско-финско-саамскому наследию, значительно смещен на юго-восток на фоне ареала топооснов, в которых представлена саамская лексика, не имеющая параллелей в прибалтийско-финских и вообще финно-угорских языках. На эту особенность обратил не так давно внимание финский исследователь Я. Саарикиви⁵⁰.

В качестве примера приведена карта, которая демонстрирует топонимическое бытование двух саамских топооснов — субстратной и финно-угорской (рис. 1). Первая опирается на субстратное для саамского языка слово *lusme* «исток реки из озера», имеющее, видимо, палеоевропейские истоки. Как и другие топоосновы с этим генезисом, она характеризуется ареалом в Северной и Центральной Карелии и смежных областях Финляндии. Данный ареал принципиально отличен от ареала саамской топоосновы *Čolm-/Jolm-*, которая восходит к саамскому *coal'bme* «пролив» (< **čolmē*), имеющему единые истоки с прибалтийско-финским *salmi* «пролив»⁵¹. Ареал практически не включает в себя территорию Финляндии, но покрывает в то же время Восточную Карелию и простирается дальше на восток в Архангельскую обл., а на юге доходит до Белого озера. По сравнению с ним ареал основы *Lusma-/Luzma-* значительно смещен на северо-запад. Очевидно, за этим ареальным членением стоят разные этапы древней саамской этноязыковой истории.

Не исключено, что ареал субстратной топоосновы отражает былую территорию бытования палеоевропейского субстрата, подвергшегося финно-угорскому языковому воздействию, сформировавшему саамский язык. Иначе говоря, саамский понимается как образование, возникшее на терри-

тории к северо-западу от Обонежья в результате наложения финно-угорского языкового типа (традиционно фин. *varhaiskantasuomi*, англ. *Proto-Finnic*) на субстратный.

В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения к сугубо саамскому наследию той финно-угорской топонимии на территории современной Архангельской обл., которая традиционно интерпретируется как саамская. Не должна ли идти речь о едином древнем прибалтийско-финско-саамском наследию, которое на более западных территориях преобразовалось в результате поглощения субстратного языкового элемента в прасаамский язык? Ареальное членение, выявленное на примере двух саамских типов, подтверждается и территорией распространения других саамских топооснов.

Целый ряд топонимических карт подтверждает, что южная часть Карелии, территория между Онежским и Ладожским озерами, а также на восточной берегу Онежского озера была в прошлом населена вепсами, сейчас сохранившимися в Карелии лишь на юго-западном берегу Онежского озера. Современный Онежско-Ладожский перешеек — это преимущественно карельская в языковом отношении территория, а Восточное Обонежье — русский регион. Однако в топонимии сохранились четкие вепские следы. Один из них — топонимы с основой **vadag'*, которая утрачена уже современными вепскими говорами, однако реконструируется по данным родственных языков и русских говоров на исторической вепской, ныне русской территории, где известен термин *вадога* — «покосы в низких сырых местах; зарастающее лесом болото». О том, что термин был некогда активен в вепских говорах, убедительно свидетельствует вепская топонимия, где модель *Vadag'* характеризуется значительной продуктивностью. Исходя из того, что значительная часть топонимических фиксаций представлена простыми по структуре названиями, следует полагать, что топоним восходит к ландшафтному термину, а функционирование его в названиях низких, болотистых мест, используемых под сенокосы, дает представление о семантике ландшафтного термина.

Ареал сформирован названиями небольших рек и ручьев, озер, болот, сенокосных угодий и маркирует границы вепского расселения на определенный момент времени в прошлом (рис. 2). Именно вепского, поскольку для карельской топонимии модель не свойственна. Об этом недвусмысленно свидетельствуют карельские материалы нашей картотеки, а также топонимического архива Финляндии, в котором хранится, в частности, коллекция топонимов из Северного Приладожья и Карельского перешейка — исторической карельской территории. Данная карта атласа, а также ряд других

(например, демонстрирующие географическое бытование вепсских топооснов *Pehk*- «болото», *Pyhä*- «святой», *Jalo*- «большой») свидетельствует о том, что вепсская территория в прошлом простиралась значительно дальше в восточном и северном направлении, чем сейчас.

Показательно, что северный предел исторического вепсского этнического ареала, маркированного дистрибутивными вепскими топонимными моделями, повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов⁵². Иначе говоря, вепское расселение на север определялось, видимо, ландшафтно-географическими и климатическими факторами, что связано, в свою очередь, с сельскохозяйственным характером освоения средневековыми вепсами северных территорий.

Этот вывод поддерживается результатами картографирования топонимов, сложившихся на основе прибалтийско-финской лексики *niini* «липа» (*Niinisel'gy*, *Nin'sel'g*, *Hucel'ga* «Липовая сельга», *Nisar'* «Липовый остров», *Niin'oja* «Липовый ручей» и др.) и соответственно русской липы (*Липовец*, *Липняги*, *Липовая сельга*, *Липовый бор* и др.). В данном случае принципиальное значение для картографирования имеют не языковые истоки топооснов, а ареал ее бытования в топонимии, отражающий реальные границы территории произрастания дерева. Липа, как известно, растет на более богатых почвах, и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья. Липа представлена в южной Карелии до линии Вяртсиля — оз. Сямозеро — д. Шуныга. К востоку от Онежского озера редка, произрастая здесь прежде всего в долине р. Водлы и Колоды⁵³. Именно эта северная граница вырисовывается и по данным топонимии (рис. 3). В контексте дистрибутивных вепсских топонимных моделей важно то, что их ареал не выходит, как правило, на север за рубеж «липовых» топонимов, подтверждая тем самым сельскохозяйственные приоритеты в вепском освоении территории Онежско-Ладжского перешейка и Восточного Обонежья.

Наоборот, в карельской колонизации последние не столь очевидны. Это неоднократно демонстрируют карты атласа с карельскими дистрибутивными топонимными моделями, которые отражают продвижение карелов на территорию современной Карелии, освоение территории между Ладжским и Онежским озерами и Белым морем. Здесь выбрана одна карта, на которой представлена модель для названия высоких мест *Jylmäkkö*, в русской интерпретации, т. е. на русской территории Карелии *Юлмаки* (рис. 4). В ее основе карельский ландшафтный термин *jylm kk* «круглая гора, крутой склон», зафиксированный в говорах Суоярви в Северном Приладжье⁵⁴.

Картографирование модели показало, что ареал протянулся из Северного Приладжья — коренной средневековой территории карелы — на север и восток вдоль путей карельской экспансии. При этом ареал наиболее насыщен, плотен в Северном Приладжье, там, где, собственно, модель зародилась. На последнее указывает то, что именно здесь фиксируется соответствующий апеллятив. По мере продвижения на окраины он редет, доходит на востоке до архангельского Кенозерья, на севере до Белого моря. При этом территория бытования модели содержит косвенную информацию о ее возрасте в Карелии. Дело в том, что она неоднократно отмечается на Заонежском п-ове, причем не на прибрежных территориях, а во внутреннем Заонежье, осваивавшемся, как известно, поздно — в XVI–XVII вв.⁵⁵

Анализ ойконимов, т. е. названий поселений внутренних областей Заонежского п-ова, показывает, что многие из них возникли на основе собственно карельских антропонимов в ходе продвижения карелов из Корельского уезда, попавшего под власть Швеции⁵⁶. Видимо, именно этот поток карельских переселенцев принес с собой и модель *Jylmäkkö*, которая, таким образом, является для Карелии относительно поздней, возникшей в XVI–XVII вв. Ее ареал лишь незначительно перекрывает историческую вепскую территорию в северной части Онежско-Ладжского перешейка, основной же массив представлен севернее.

На территории Южной Карелии, Онежско-Ладжского перешейка произошло наложение вепсских и карельских в языковом отношении топонимных моделей, свидетельствующее о наложении двух этносов. Севернее перешейка, куда вепсская экспансия, как свидетельствуют наши топонимические карты, не распространялась, продолжается неперемешанная с вепской собственно карельская традиция, вышедшая из Северного Приладжья, связанная на первых этапах преимущественно с промысловым освоением. Здесь, севернее линии распространения вепсских топонимных типов, формируется собственно карельская в языковом отношении территория. Южнее же, в зоне контактирования, складываются два южнокарельских наречия — ливвиковское (олонецкое) и людиковское, из которых особенно второе содержит очень значительный вепсский элемент.

Картографирование топонимных моделей позволяет понять или по крайней мере приблизиться к пониманию того, как сформировалась граница, разделившая людиков и ливвиков, и почему она прошла именно там, где прошла. Причина, видимо, кроется в том, что уже в период активного карельского освоения Онежско-Ладжского перешейка продолжалось проникновение вепсов на эту территорию, причем использовался транзитный водно-

волоковой путь со Свири на северную оконечность Онежского озера и далее на Белое море.

Именно такую ситуацию предлагает карта, показывающая ареал вепсской метафорической модели *Kukoinhar’j* «Петушиный Гребень», которая использовалась для называния возвышенностей, горок (рис. 5). Модель является, очевидно, довольно поздней, поскольку не охватывает весь вепсский ареал, да и привязана исключительно к недолговечным по времени существования микротопонимам. Карта показывает, что она четко привязана к упомянутой уже водной дороге на север и одновременно людиковско-ливвиковской границе. Здесь отмечены урочище *Kukuoindah’* в Мошничье на р. Важинке, поле *Kukuenhard’a* в старинном людиковском с. Святозеро, урочище *Kukoihar’ja* на восточном берегу оз. Сямозеро. Этот ряд замыкается на севере названием расположенной на болоте песчаной возвышенности *Петушиный Гребень* (с. Шайдома), которое, по всей видимости, является переводной калькой вепсского оригинала. Очевидно, выход вепсов вдоль этого водного пути на север, в частности на р. Шую, препятствовал в определенной степени поступательному движению карелов с запада на восток по Шуе, и в результате к востоку от вепсского пути сформировалась людиковская территория, где вепсский компонент значительно более мощен, чем в западном олонецком или ливвиковском диалекте.

Ареальный анализ топонимов способен, таким образом, прояснить, как происходило на протяжении столетий формирование карельской диалектной карты и подтверждает активное участие в этом процессе вепсского этноса.

Культура Карелии возникла на стыке двух культурных традиций — прибалтийско-финской и русской — и явилась результатом их взаимодей-

ствия и взаимопроникновения. Активное русское (псковско-новгородское) освоение территории Карелии начинается, видимо, уже с середины XIII в. В атласе представлен ряд карт дистрибутивных русских топонимных моделей, реконструирующих фрагменты русской истории территории. Одна из карт демонстрирует ареал топоосновы *острец* или *остречи* «окунь» (рис. 6). Анализ бытования старого новгородского слова, рано вытесненного общерусским синонимом *окунь*, в топонимии Присвирья показал, что там оно маркирует места относительно раннего русского освоения⁵⁷. Этот вывод подтверждается и материалами Обонежья и Беломорья. Она закрепились здесь в названиях озер и рек: в Северном Присвирье — р. *Остречина*, на Заонежском п-ове в границах древнего Толвуйского погоста — оз. *Остречевское*, на водоразделе Онежского озера и Верхнего Выга — оз. *Остречье*, в окрестностях с. Лобское, а также оз. *Остречье* и ручей *Остречьручей* — в окрестностях д. Щепина Гора, расположенной на водоразделе р. Немина и Верхний Выг. Одноименные озера известны также в бассейнах беломорских р. Сума и Нюхча.

Ареал топонимов четко ложится на транзитный водный путь и маркирует его как основной путь русского продвижения в Карелию: со Свири в Онежское озеро, из которого путь продолжался либо на восток по р. Водле, либо на север через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Именно вдоль этих путей формируется «русская» Карелия, представленная этнолокальными группами русских (поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры). Каждая из них характеризуется общей территорией, единым самоназванием, общим локальным самосознанием и осознанием единства происхождения, а также некоторыми едиными феноменами народной культуры и, конечно, особенностями языка.

Атаев Б. М.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В эпоху всеобщей глобализации становится весьма насущным безотлагательное решение крупной научной и гуманитарной проблемы — комплексного анализа современной языковой жизни на постсоветском полиэтническом пространстве и прогнозирования развития событий в этой области. Необходимость исследования языковых процессов в меняющейся России обусловлена рядом взаимосвязанных обстоятельств. Нерешенной до сих пор остается проблема рационального распределения

общественных функций между русским языком и языками народов РФ. Серьезную угрозу представляет, с одной стороны, реальная возможность исчезновения языков и культур малочисленных народов, с другой — уменьшение числа владеющих русским языком в национальных образованиях.

Эта проблема особо остро ощущается в Южном федеральном округе, в частности в Республике Дагестан, т. к. с этнолингвистической точки зрения эта республика представляет собой нетипичный для